

13. ИЗ ДНЕВНИКА Н. А. ПУШЕШНИКОВА

⟨Капри.⟩ 16 января ⟨1913 г.⟩

...Андреев приехал с вечерним пароходом из Неаполя и прямо же с пристани поехал к Горькому. Судорожный¹ был приглашен к Горькому. Мы с Верой Николаевной² проводили его до тропинки, ведущей к даче Горького ⟨...⟩ Судорожный пришел в 12, когда мы уже лежали в кроватях. Стоя в растворенной двери, соединявшей наши комнаты, он стал нам обоим рассказывать о впечатлениях вечера, проведенного у Красноперого³ ⟨...⟩ По словам Судорожного, Андреев сильно постарел, растолстел, обрюзг и опустил. Судорожный провел с ним необычайно мучительный вечер.

— Прихожу. Екатерина Павловна говорит, что они наверху в кабинете Максимиыча. Поднялся по лестнице, вхожу. Красноперый сидит в своем кресле, спиной к письменному столу, положила нога на ногу, а Андреев ходит по комнате. Оба молчат. Вижу, что попал некстати. Между ними был, видимо, какой-то интимный разговор, которому я помешал. Андреев сейчас в немилости, наверное в чем-нибудь каялся. Поздоровались, поцеловались... И снова молчание. Красноперый тоже молчит и нелюдимо поглядывает и на меня и на Андреева. Молчу и я. Андреев прохаживается по комнате на своих мягких лапах, подходит к балконной двери, барабанит пальцами по стеклу, что-то мычит с закрытым ртом — гу-гу-гу, — напевает, насвистывает. Так продолжалось минут двадцать. Дурацкая напряженная сцена! ⟨...⟩ Изредка, впрочем, они перебрасываются короткими фразами.

— Так вот, Леонид.

— Да, Алексей.

И снова молчание. Андреев опять прохаживается от двери к окну, мычит гу-гу-гу, напевает.

— Да, так вот, Леонид... Это...

— Ты понимаешь, ты понимаешь, Алексей.

— Да это ты... Да... Так вот...

Положение в высшей степени глупое. Стараюсь заговорить, спрашиваю: «Ну, как живешь, Андрияша? Что сейчас пишешь?» Не отвечает. Стараюсь шутить, чтобы хоть как-нибудь преодолеть это тягостное настроение, пробую и так и этак — не тут-то было! Опять Горький басом: «Так вот, Леонид. Да». — «Да, Алексей». Клянусь вам богом, это продолжалось не менее часа. Я стал уже приходить в ярость. Но тут, к счастью, нас позвали пить чай. За чаем стало немного легче, хотя фальшиво-натянутая атмосфера продолжалась...

Дневник Н. А. *Пушешникова* (1882—1939), племянника Бунина, переводчика Киплинга, Тагора, Голсуорси, Джека Лондона, сохранился у его вдовы К. П. Пушешниковой. Сообщено А. К. Б а б о р е к о.

¹ Шутливое домашнее прозвище Бунина.

² В. Н. Муромцева — жена Бунина (ум. в 1961 г.).

³ Прозвище Горького.

14. В. Е. БЕКЛЕМИШЕВА

...За годы реакции и войны мне не раз приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем по поводу самых разнообразных дел общественного характера. В 1915 г. царское правительство начало распространять слухи о почти поголовном шпионаже евреев в прифронтовой полосе.

Начались массовые военные суды и расстрелы. Несколько петербургских адвокатов отправились на фронт в Польшу и Лифляндию, чтобы на месте получить опровергающие обвинения материалы и с думской трибуны заявить о лживости распространяемых в войсках и народе слухов.

В это же время по инициативе М. Горького, А. М. Калмыковой¹, Н. Д. Соколова², Ф. Сологуба, Л. Н. Андреева, А. Н. Чеботаревской и ряда общественных деятелей возникла мысль организовать Общество борьбы с антисемитизмом.

Одно из первых собраний состоялось на квартире Ф. Сологуба. На нем были все указанные мною лица.

Л. Андреев в течение вечера несколько раз беседовал с А. Горьким, но это не разрядило напряженности тех отношений, которые уже много лет назад установились между ними.

На заседании решено было устроить в адвокатском клубе собрание, на котором должны были выступить Горький, Сологуб, Андреев и ряд видных адвокатов.

Собрание это состоялось. Оно было очень многолюдным.

Из доклада о собранном на фронте фактическом материале стало ясным, что в шпионаже обвинялись люди совершенно невинные и что положение неимущего населения, живущего в прифронтовой полосе, необычайно тяжелое.

Алексей Максимович призывал бороться с проявлениями антисемитизма и с правительственной политикой натравливания одной части населения на другую...

Отрывок из воспоминаний В. Е. Беклемишевой «Литературные встречи с А. М. Горьким». Машинопись.— АГ.

О В. Е. Беклемишевой — см. Переписка, № 169, прим. 10. Во время войны 1914—1917 гг. она участвовала в эвакуации населения из прифронтовой полосы и активно работала в «Русском обществе для изучения жизни евреев». См. также ее воспоминания об Андрееве в сб. «Реквием», стр. 195—276.

О борьбе Горького и Андреева с антисемитизмом — см. стр. 548—549 настоящ. тома.

¹ Об Александре Михайловне *Калмыковой* — см. выше, стр. 556.

² Николай Дмитриевич *Соколов* (1870—1928) — адвокат, социал-демократ, член III Государственной думы. Расследовав обстоятельства кишиневского погрома (1903), Соколов подготовил материал, изобличающий министра внутренних дел Плеве как организатора и вдохновителя погрома. После окончания процесса Соколов был арестован. В 1906 г. выступал защитником по политическим и аграрным делам в военных судах Риги и Митавы. Принимал активное участие в работе Общества по борьбе с антисемитизмом. После Октября отошел от активной политической работы.

15. В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

... О Леониде Андрееве он <Горький> говорил так:

— Леонид промотал свой огромный талант, как пьяница в ресторане, который расплачивается, не глядя, скомканными кредитками. Не понимаю, откуда у человека неглупого эта безудержная страсть ко всему чудовищному, грандиозному, раскрашенному в страшные тона! Его в детстве ушибли Виктором Гюго, и он вообразил себя гением преувеличений и контрастов. Только у Гюго все это было от молодости и романтического озорства, а Леонид — прирожденный истерик и неврастеник. Вот спутался с Метерлинком — «Жизнь человека», «Анатэма»... Что тут хорошего? Он воображает, что его обезличенные, схематичные персонажи будут вечны именно потому, что лишены быта и представляют собой общечеловеческие страсти. Жесточкая ошибка! Они завянут, как растение, вырванное из почвы. А какой художник погиб в этом человеке! И еще одна у него беда: он вечно любит в зеркало. В сущности он пишет только самого себя. А это гибель. Все эти «бездны» и «стены» — плохо переваренный Достоевский с его скло-